

НОВЫЕ КНИГИ

ЗАВЕЩАНИЕ ПОЭТА

Александр Яшин. «День творения». Новая книга стихов. Изд-во «Советский писатель», 1968 г.

«День творения» — книга прямая, острая, контрастная. Ощущение этого, может быть, усиливается потому, что она пришла к читателям, когда поэта уже не стало. Даже обычные для титульного листа слова — «Новая книга стихов» — воспринимаются с болью, и невольно читаются: последняя книга...

К последнему слову люди имеют обыкновение относиться с особой доверительностью. Тем более — к яшинскому. Это он писал два с лишним года назад, отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы»: «Атмосфера правды жизни, готовность бесстрашно следовать велениям собственной совести — начало всех начал в нашем деле. Все остальное — производное».

Поэт не суесловит напрасно, и это поймет каждый, кто прочел его книги стихов «Совесть» и «Босиком по земле» или «Бессонница». «День творения» — их последовательное продолжение и завершение.

Один и тот же, зрелый уже характер, но не утраченный способности развиваться, углубляющийся от книги к книге, открывается читателю — собеседнику, читателю — другу. Именно на такого читателя и рассчитывает поэт. Он открыт к

ним и требователен, каждого побуждает остро думать о себе. Думать без скидок, бескомпромиссно, потому что сам Александр Яшин о себе думает именно так. Поэт, наверное, жил с ощущением близкой уже трагедии и перед ее лицом иначе думать и писать не мог.

Поражают уже открывающие книгу стихи своей образной, на торопливый взгляд, неожиданной противоположностью мотивов. «О, как мне будет трудно умирать, на полном вдохе оборвать дыханье!» — говорит поэт в стихотворении «Отходная». Так говорит, будто заглянул он уже за какую-то незримую черту. А в другом — «День творения» — нежно и проникновенно рассказывает Александр Яшин о том, как помог родиться цыпленку, опоздавшему вылупиться из яйца, забытому курицей:

...я отошел в сторонку.
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как бог в первый день
творения.

Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизнь!..

Пронзительной любовью ко всему живому проникнуто это стихотворение, учит оно прежде всего чуткости к человеку. Ведь только любя и спасая живое, борясь за живое, можно воспитать в себе истинно человеческое. И «Отходная» не тем захватывает, что слышится в ней страх перед небытием — этого нет, хотя первые строчки могут привести к такому, бесспорно, поверхностному суждению. Наоборот:

Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч
возможных —
Расставанья.

Боль, но не за себя: боюсь причинить горе другим — вот что самое страшное для поэта. Если б острым чувством ответственности перед живыми

могли мы обладать смолоду — разве б знали такую горечь! И даже нравственно чуткие люди понимают это слишком поздно, когда «никаких уже нельзя извлечь уроков».

Неутешительны итоги прожитого:

Ничьей любви до срока
не сберег
И на страданья отзывался
глухо.
Не завершил ни одного
пути...

Да справедлив ли поэт к себе? В отношениях к близким открывается страстно любящее сердце поэта. Изумительной душевной деликатностью исполнен цикл «Ночная уха».

В постоянстве чувств открывается нам натура цельная, сильная и... ранимая. Не потому, что на долю Александра Яшина выпало более чем достаточно трудностей и лиха, а потому, что чужую беду, трудности других он умеет переживать как свои личные.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!

«Для них не решен ни один из роковых вопросов», потому — то отцу приходится «заново переживать опасный возраст». Но многим ли дано с такой вот страстной заинтересованностью переживать, именно — «переживать!» И стихи, казалось бы, о сугубо личном становятся размышлением о судьбах поколения, о своих обязанностях по отношению к нему.

А стихотворение «Опять больница!» дает этой теме иной поворот: будто роли поменялись. И что же?

Мои потрясенья,
Сомненья,
Мученья
У них вызывают
Одни огорченья.
Еще — снисхождение
И отчужденье...
Для них я давно
Объект наблюденья.

Неизбывной заботой о судьбах односельчан про-

никнуты стихи цикла «Из дневника». Особенно, может быть, «И стали мы пить чаек...» и «Желтые листья». Глубокое понимание того, чем живут деревенские земляки, сознание обязанностей поэта перед ними.

Итак, поэт подсуден своему собственному суду. И суд этот беспощаден. Ничто не остается для него прощенным, незамеченным.

Только многие ли могут судить себя вот так строго и жестко, по самому большому счету? Это удел людей сильных, честных, совестливых. А совесть вызывает цепную реакцию: не дает покоя одному — и в других будит все самое сокровенное, самое чистое.

Поэт открывает нам человека. Всегда. Даже и в том случае, когда просто говорит о привязанности, любви своей к деревьям и травам, зверью и птицам — ко всему живому. Не потому, что его тянет на иносказания, а потому, что он не считает себя вправе поучать.

И дорог нам поэт Александр Яшин именно своим стремлением утвердить истинно человеческие ценности. Гореть этим стремлением он завещал живущим.

В. ОБОТУРОВ.

Источник: Оботуров В. А. Завещание поэта / В. Оботуров // Наш современник. — 1970. — № 2. — С. 122–123.